

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК**

2023, Том 2, № 1

Содержание

Бобырева Е.В.

Способы обращения к Всевышнему в русскоязычном
и англоязычном вариантах перевода Библии 4-10

Боронова М.Л.

Образ учителя в якутской литературе 11-17

Карданова Б.Б.

О христианизации средневековых тюрко-монгольских племен
и их потомков-ногайцев в публикациях
зарубежных и отечественных авторов 18-24

Черкасова А.С.

Кристаллизация концепта «Wall» (стена) в романе Р. Баха
«Мост через вечность: история любви» («The bridge across forever: a lovestory») 25-33

*Бобырева Е.В.,**Волгоградский государственный социально-педагогический университет***Способы обращения к Всевышнему в русскоязычном и англоязычном вариантах перевода Библии**

Аннотация: статья посвящена сравнительному анализу специфики наименования и обращения к Всевышнему в русскоязычном (Синодальном) и англоязычном (King James' Version) переводе Священного Писания. Показано, что существующие различия в обращении и наименовании Всевышнего предопределены как особенностями самого языка, так и национально-культурными характеристиками социума. Выявлено, что при использовании, до определенной степени, близких форм, процентное соотношение выбираемых вариантов обращения и адресации к Всевышнему различны, что определяется как приоритетами, существующими у членов того или иного социума, так и конечными целями, которые ставит перед собой и к которым стремится человек.

Ключевые слова: Бог, Всевышний, вера, мировоззрение, религия, религиозный дискурс, религиозный институт, религиозные ценности, национально-культурная специфика

Для цитирования: Бобырева Е.В. Способы обращения к Всевышнему в русскоязычном и англоязычном вариантах перевода Библии // Филологический вестник. 2023. Том 2. № 1. С. 4 – 10.

Введение

Религия и вера понятия, с одной стороны, сакральные, а, с другой, близкие каждому человеку. Религия, как мировоззрение, и церковь, как ее институт, возникли прежде всех иных ныне существующих общественных институтов – института политики, школы и т.д. На наш взгляд, можно говорить о том, что все ныне существующие институты возникли из религиозного. Хотя в настоящее время подобные связи потеряны, первоосновой существующих общественных институтов (института школы, медицины, политики) стал институт религии. «Религия и вера на протяжении тысячелетий определяли и продолжают определять идеологию, оказывая влияние буквально на все сферы социальной жизни: экономику, политику, образование, культуру» [1, с. 5].

Актуальность и до определенной степени необходимость проведения данного исследования обусловлена рядом факторов, в частности, продолжающимся оставаться высоким интересом к вопросам религии и веры, постоянным поиском каждым человеком (верующий он или нет) ответов на извечные вопросы о добре и зле и связанной с этим необходимостью сохранения и поддержания традиционных религиозных ценностей, значимостью веры для каждого; важностью установления внутренних духовных связей каждого человека с Богом; поиском своих путей к Богу и выбора адекватных способов обращения к Всевышнему; кроме того, актуальность определяется существующей спецификой обращения к Богу, что определяется как особенностями вероисповедания, так и характеристиками языка, на котором человек обращается к Богу.

Цель исследования

Целью настоящей статьи выступает рассмотрение специфики форм наименования и обращения к Всевышнему, определяемой особенностями языка вероисповедания и совершения богослужения и национально-культурными характеристиками социума, в котором живет человек. Показано, что при обращении к главному адресанту религиозного дискурса (Всевышнему, Богу) представители русскоязычной и англоязычной лингвокультур выбирают зачастую (с некоторым различием) одинаковые формы, но процентное соотношение данных форм оказывается несколько различным, что объясняется национально-культурной спецификой социума, существующими приоритетами, а также тем, что представители того или иного социума ждут от приобщения к Богу и вере – духовной опоры и поддержки или реальной защиты от существующих проблем, улучшения материального положения и т.п.

Обзор литературы

Исследование различных аспектов религиозного дискурса осуществлялось и продолжает осуществляться учеными на протяжении многих десятилетий. Исследование различных вопросов и аспектов религиозного дискурса находится в центре интересов отечественных и зарубежных лингвистов (Н.Д. Арутюнова [2], Р. Водак [3], Т.В. Ицкович [4], В.И. Карасик [5], Л.П. Крысин [6], Н.Б. Мечковская [7], О.А. Прохвятилова [8] и др.); философов (А.К. Адамов [9], Ю.А. Кимлев [10], А.Ф. Лосев [11], В.А. Ремизов [12] и др.), культурологов (А.К. Байбурин [13], А.И. Кравченко [14] и др.).

Материал исследования

Материалом исследования послужили текстовые фрагменты Священного Писания на русском и английском языках, содержащие различные формы наименования и обращения к Всевышнему. Всего анализу было подвергнуто по 190 примеров на русском и английском языке.

Методы исследования

Для проведения исследования и достижения поставленной цели в статье применялись такие методы исследования, как: семантический (для рассмотрения специфики значений отдельных лексических единиц), компонентный (для анализа смыслового потенциала лексических единиц и интерпретации заложенного в них смысла), контекстуальный анализ (для анализа контекста текстовых фрагментов, в которых используются исследуемые лексические единицы), сравнительно-сопоставительный метод (для сравнения функциональной специфики рассматриваемых языковых единиц на русском и английском языках). Кроме того, при проведении настоящего исследования использовался прием количественных подсчетов (для сравнения и наглядного представления полученных в ходе исследования данных).

Результаты и дискуссия

Начиная разговор о Боге, укажем отличительные черты и характеристики самой феноменальной сущности – Бог, Всевышний. Итак, Бог: а) уникален и сверхъестественен; б) всемогущ – он является создателем, от которого, в конечном счете, зависит все; в) он всюду, человек постоянно ощущает его присутствие; г) он вечен и неизменен, меняются только наши представления о нем; д) он справедлив, хотя человек не всегда в силах понять его волю; е) он невыразим, никто не может в точности его изобразить, он – самое таинственное из того, что существует.

Понятийные планы данного феномена в английском и русском языках практически полностью совпадают («Бог» и «God») несмотря на то, что как в английском, так и в русском языках существует огромное количество лексических способов вербализации Всевышнего: «Бог» – 1. верховное существо, управляющее миром; 2. идол, кумир. «God» – 1. the Supreme Being, creator and ruler of the universe; 2. person greatly adored and admired, very influential person.

Однако, как в русском, так и в английском языке есть ряд способов наименования Всевышнего и обращения к нему. Сравним, английские версии: «God», «Lord», «Father», «Almighty»; русские: «Бог», «Отец (небесный)», «Отче», «Пастырь мой», «Владыко владеющих», «Судья живых и мертвых», «Всевышний», «Всемогущий», «Господь», «Создатель», «Наставник мой», «Владыка», «Пресильный», «Предивный», «Преславный». Как видим, русский язык предлагает более богатую палитру наименований и способов обращения. В русском языке имеет место целый ряд лексических заместителей, расширяющих и конкретизирующих обращение к Всевышнему: «Человеколюбче», «Владыка(о)», «Хранитель», «Спаситель / Спасе», «Создатель», «жизни Податель», «Святой Крепкий», «Цареви наш Бог», «Сотворитель и Податель», «Творец», «Творче», «Безначальный и Присносущный Свете», «Господь Вседержитель», «Бессмертный Царь», «Утешитель», «Царю Небесный», «Святой Крепкий», «Всевышний», «Всемогущий», «Наставник мой», «Владыко», «Пресильный», «Предивный», «Преславный» и т.д.; а также лексические атрибуты, сопровождающие анализируемое обращение: «возбранный», «всемогущий», «всесильный», «всесветлый», «всещедрый», «святой», «(пре)чудный», «(пре)дивный», «(пре)славный», «(пре)милостивый», «(пре)милосердный», «(пре)светлый», «(пре)сильный», «(пре)чудный».

Представленные способы наименования Всевышнего акцентируют внимание на следующих его качествах: а) высокое статусное положение; б) обладание властью над человеком (властью духовной, которая часто сильнее реальной мирской власти); в) безграничная любовь к человеку, несмотря на его грехи и слабости – любовь, подобная любви заботливого родителя к непослушному ребенку; г) способность дать человеку защиту, влекущую за собой внутренний душевный покой и уверенность; д) способность дать надежду на спасение через веру и служение. «Бог обладает всеведением, на то он и Бог, и он сам знает обо мне все и при этом бесконечно задолго до того, как я явился из небытия. Он знает мои страдания, мои страхи и мое мужество, он знает все и не только обо мне...» [15, с. 262].

Анализируя варианты обращения и наименования Всевышнего, отметим, что как в русскоязычном, так и в англоязычном варианте наиболее частотной выступает форма *Бог* и, соответственно *God*, например: «*Ибо ты, Бог, не любящий беззакония и у тебя не водворится злой*» (Библия, Псалтирь, 5: 5). “*And he said, O, God of my master Abraham, I pray thee, send me good speed this day, and shew kindness unto my master Abraham*” (Библия, Бытие, 24: 12). Кроме того, часто обращение *God* сопровождается дополнительным компонентом *God Lord*, усиливающим благоговейное отношение к Всевышнему. В англоязычном варианте одной из форм обращения выступает *Jesus Christ*, тогда как в русскоязычном такая форма неприемлема, поскольку Христос – Сын Божий.

Также в русскоязычном тексте используется обращение Господь / Господь Бог: «Слышу Ефрема плачущего: «Ты наказал меня, и я наказан, как телец неукротимый; обрати меня, и обращусь, ибо Ты Господь Бог мой» (Библия, Иеремия, 31: 18).

Подчеркивая власть и силу Бога в русскоязычном варианте Библии находим также такой вариант обращения, как «Владыко»: «Владыко Господи, Ты начал показывать рабу Твоему величие Твое и крепкую руку Твою; ибо какой бог есть на небе, или на земле, который мог бы делать такие дела, как Твои, и с могуществом таким, как Твое?» (Библия, Второзаконие, 3: 24).

Если в русскоязычном варианте акцент делается на власть Бога, то в англоязычном, используемая лексическая единица Almighty подчеркивает его могущество и всесилие: «And he became more and more powerful, because Lord God Almighty was with him» (Библия, 2 Самуил, 5: 10).

В русскоязычном варианте Библии Бог часто сравнивается с пастырем, собирающим и оберегающим свое стадо (людей верующих): «Господь — Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться» (Библия, Псалтирь, 23: 1). Практически идентичную форму наименования Всевышнего находим в англоязычном варианте Библии, где к Богу обращаются, называя его «Shepherd», с единственной разницей, что англоязычная лексическая единица имеет более широкое и стилистически нейтральное значение («пастух» (a) a person whose job is to take care of sheep and move them from one place to another; b) to lead people somewhere), у нее нет коннотативного оттенка значения: «1) пастух; 2) священник, наставник паствы»: «He is my shepherd, and shall perform all my pleasure: even saying to Jerusalem, Thou shalt be built; and to the temple, Thy foundation shall be laid» (Библия, Исаи, 44: 28).

В англоязычном варианте встречаем обращения к Всевышнему как к правителю (Ruler) и судье (Judge); а в русскоязычном – он именуется *Отцом Небесным*.

Находим также и обращение к Всевышнему по его основной функции – созданию всего (неба, земли и человека): «Да помилует Создатель его...»; «Wherefore let them that suffer according to the will of God commit the keeping of their souls to him in well doing, as unto a faithful Creator» (Библия, 1 Петра, 4: 19). Но, в русском переводе находим синоним лексической единицы «Создатель», а именно – «Творец», чего нет в англоязычном варианте. Данное обращение акцентирует внимание на творческом начале Всевышнего и одновременно создает ощущение чего-то мистического, загадочного: «Кто, как Ты, Господи, между богами? Кто, как Ты, величествен святостью, досточтим хвалами, Творец чудес?» (Библия, Исход, 15: 11).

Как показали результаты проведенного исследования, как в русско-, так и в англоязычном варианте перевода Библии на первом месте по частотности использования находятся такие обращения (наименования) к адресанту религиозного дискурса, как: Бог (3376 примеров по всему тексту Священного Писания) и God (3978 примеров), соответственно. На второй позиции по частотности (встречаемости в священных текстах) в русскоязычном варианте оказывается обращение «Судия» (246), тогда как в англоязычном варианте вторую позицию занимает обращение/наименование «Almighty» (333). Третье по частотности место в русскоязычном варианте заняло обращение «Всевышний» (146), а в англоязычном – «Judge» (208). Наиболее редкими (по частотности использования) в русскоязычном варианте перевода

Священного Писания оказались варианты «Пастырь» и «Создатель», а в англоязычном – «Creator» и «Shepherd».

Проведенное исследование показало наличие некоего параллелизма в способах и языковых средствах обращения к Богу как в русско-, так и в англоязычных вариантах Священного Писания. С некоторым различием, наблюдаемым в процентном соотношении примеров, когда к Всевышнему обращаются как к Всемогущему (Almighty) Богу в английском и Честному, Справедливому (Судия) – в русском. Что, на наш взгляд, показывает приоритеты, существующие в разных лингвокультурах: потребность в силе, власти, потребность получения реальной помощи (в англоязычном социуме), с одной стороны, и в моральной поддержке, духовной опоре (в русскоязычной лингвокультуре), с другой. Это подтверждает хорошо известный тезис А. Вежбицкой о существующих национальных константах, к числу которых в русской лингвокультуре исследователь относит такие, как «душа», «тоска» и «судьба» [16].

Заключение

Проведенное исследование показало, что как в русскоязычном, так и в англоязычных вариантах перевода текста Священного Писания существуют разнообразные формы обращения и способы наименования Бога, нередко демонстрирующие параллелизм в рассматриваемых лингвокультурах. Однако, несмотря на естественные схожие черты (поскольку мы говорим об одном и том же субъекте), все же имеются некоторые различия, которые предопределены национальными особенностями характера, отношением к окружающему и потребностями человека. Цель религии – стать духовной опорой человеку, однако, в разных типах социума человек ищет подобную опору для разных целей: либо для развития и совершенствования духовности, либо для создания прочной основы (прежде всего, материальной) для своей жизни. Этим, на наш взгляд, объясняется наличие некоторых различий, которые могут быть зафиксированы в формах наименования и обращения к Богу представителей разных лингвокультур.

Перспективами проведенного исследования может стать рассмотрение и анализ форм обращения в Богу в различных религиозных жанрах, а также разных ситуациях межличностного общения.

Литература

1. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, языковые характеристики (на материале православного вероучения). Волгоград: Перемена, 2007. 375 с.
2. Арутюнова Н.Д. Национальное сознание, язык, стиль // Лингвистика на исходе XX века: Тез. докл. междунар. конф. Москва, 1995. Т. 1. С. 32 – 33.
3. Водак Р. Язык. Дискурс. Поэтика. Волгоград: Перемена, 1997. 139 с.
4. Ицкович И.В. Православная проповедь как жанр-текстотип религиозного стиля // Лингвистика и межкультурная коммуникация. Красноярск: НИЦ, 2011. С. 128 – 147.
5. Карасик В.И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: межвуз. сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1999. С. 5 – 19.

6. Крысин Л.П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Сб. тр. памяти Т.Г. Винокур. М., 1996. С. 135 – 138.
7. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура. М.: Академия, 2008. 432 с.
8. Прохвятилова О.А. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. 362 с.
9. Адамов А.К. Разум. Истина. Человек. Саратов: Научная книга, 2001. 274 с.
10. Кимелев Ю.А. Философия религии: Систематический очерк. М.: Изд-ий дом „Nota Bene“, 1998. 424 с.
11. Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Изд-во RUGRAM, 2012. 618 с.
12. Ремизов В.А. Духовность как культурная ценность личности // Философские науки. 1997. № 2. С. 158 – 161.
13. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 239 с.
14. Кравченко А.В. Когнитивный горизонт языкознания. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2008. 320 с.
15. Брудный А.А. Психологическая герменевтика. М.: Лабиринт, 2005. 336 с.
16. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 289 с.

References

1. Bobyreva E.V. Religioznyj diskurs: cennosti, zhanry, jazykovye harakteristiki (na materiale pravoslavnogo verouchenija). Volgograd: Peremena, 2007. 375 s.
2. Arutjunova N.D. Nacional'noe soznanie, jazyk, stil'. Lingvistika na ishode NN veka: Tez. dokl. mezhdunar. konf. Moskva, 1995. T. 1. S. 32 – 33.
3. Vodak R. Jazyk. Diskurs. Pojetika. Volgograd: Peremena, 1997. 139 s.
4. Ickovich I.V. Pravoslavnaja propoved' kak zhanr-tekstotip religioznogo stilja. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. Krasnojarsk: NIC, 2011. S. 128 – 147.
5. Karasik V.I. Religioznyj diskurs. Jazykovaja lichnost': problemy lingvokul'turologii i funkcional'noj semantiki: mezhvuz. sb. nauch. tr. Volgograd: Peremena, 1999. S. 5 – 19.
6. Krysin L.P. Religiozno-propovednicheskij stil' i ego mesto v funkcional'no-stilisticheskoj paradigme sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka. Pojetika. Stilistika. Jazyk i kul'tura: Sb. tr. pamjati T.G. Vinokur. M., 1996. S. 135 – 138.
7. Mechkovskaja N.B. Semiotika: Jazyk. Priroda. Kul'tura. M.: Akademija, 2008. 432 s.
8. Prohvatilova O.A. Pravoslavnaja propoved' i molitva kak fenomen sovremennoj zvuchashhej rechi. Volgograd: Izd-vo VolGU, 1999. 362 s.
9. Adamov A.K. Razum. Istina. Chelovek. Saratov: Nauchnaja kniga, 2001. 274 s.
10. Kimelev Ju.A. Filosofija religii: Sistematiceskij ocherk. M.: Izd-ij dom „Nota Bene“, 1998. 424 с.
11. Losev A.F. Antichnaja mifologija v ee istoricheskom razvitii. M.: Izd-vo RUGRAM, 2012. 618 с.

12. Remizov V.A. Duhovnost' kak kul'turnaja cennost' lichnosti. *Filosofskie nauki*. 1997. № 2. S. 158 – 161.
13. Bajburin A.K. Ritual v tradicionnoj kul'ture: Strukturno-semanticheskij analiz vostochnoslavjanskih obrjadov. SPb.: Nauka, 1993. 239 s.
14. Kravchenko A.V. Kognitivnyj gorizont jazykoznanija. Irkutsk: Izd-vo BGUJeP, 2008. 320 s.
15. Brudnyj A.A. Psihologicheskaja germenevtika. M.: Labirint, 2005. 336 s.
16. Vezhbickaja A. Ponimanie kul'tur cherez posredstvo kljuchevyh slov. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2001. 289 s.

*Bobyreva E.V.,
Volgograd State Socio-Pedagogical University*

Means of addressing the God in the Russian and English variants of Bible translation

Abstract: the article is devoted to the comparative analysis of specifics of the name and address to the Almighty in the Russian (Synodal) and English (King James' Version) translations of the Holy Scriptures. It is shown that the existing differences in the forms of addressing and naming the Almighty are predetermined both by the peculiarities of the language itself and by the national and cultural characteristics of the society. It was revealed that when using to certain extent similar forms, the percentage of the chosen options to address the Almighty are different, which is determined both by the priorities that exist among the members of a particular society, and by the ultimate goals that a person sets and strives for.

Keywords: God, Almighty, faith, worldview, religion, religious discourse, religious institution, religious values, national and cultural specificity

For citation: Bobyreva E.V. Means of addressing the God in the Russian and English variants of Bible translation. *Philological Bulletin*. 2023. 2 (1). P. 4 – 10.

*Боронова М.Л.,**Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова***Образ учителя в якутской литературе**

Аннотация: 2023 год объявлен Годом педагога и наставника. Учитель – одна из основных профессий в обществе, играющий в жизни каждого человека огромную роль. В якутской литературе на протяжении всей ее истории создавался образ учителя, так как просветительство стало для неграмотного, темного народа одной из ключевых задач XX века. Об учителе писались стихотворения, рассказы, повести, романы и драмы. В начале XX столетия образ учителя боготворился, он был идеальным героем. На современном этапе учитель воспринимается как активный член общества, вместе с тем писатели раскрывают его характер, показывая его отношения с коллегами в коллективе и с молодым поколением. Таким образом, его образ усложняется, наполняется жизненной достоверностью. В статье ставится цель исследования образа учителя в якутской литературе.

Ключевые слова: якутская литература, образ учителя, жанр, конфликт, проблема

Для цитирования: Боронова М.Л. Образ учителя в якутской литературе // Филологический вестник. 2023. Том 2. № 1. С. 11 – 17.

2023 год Указом Президента России В.В.Путина объявлен Годом педагога и наставника. Миссия Года – признание особого статуса педагогических работников, в том числе выполняющих наставническую деятельность. Мероприятия Года педагога и наставника должны быть направлены на повышение престижа учителя. В настоящее время в России проблемы школы являются значимыми для широкой общественности и часто становятся предметом обсуждений и дискуссий. Не менее обсуждаемой является и личность самого школьного учителя. Многие исследователи и критики говорят об исчезновении авторитета педагога. В связи с чем настала необходимость исследования образа учителя в якутской литературе. В статье рассматривается история и трансформация образа учителя в художественных произведениях. Научная новизна данной статьи состоит в литературоведческом анализе произведений якутской литературы XX века, исследовании и разработке образа учителя в литературных произведениях.

Учитель воплощает в себе идеологический культурный тип, который, если он не является идеалом, то, во всяком случае, транслирует основные ценности конкретного социума в определенный исторический момент.

Профессия педагога всегда была одной из сложнейших. Во все времена учитель для людей - это особенный человек. Многие дети мечтают стать учителями, быть похожими на своих любимых преподавателей, классных руководителей, тренеров. Ведь эти люди являются их кумирами. Якуты особо почитали учителей, понимая значение образования. Первые якутские писатели были великими Просветителями и призывали якутскую интеллигенцию служить народу. А она выбирала разные пути в жизни. А.И.Софронов критико-

вал якутскую интеллигенцию в бездейственности, немощности в своей драме «Бедняк Яков» (1914). Яков с огромными усилиями отправляет сына учиться, чтоб он, вырвавшись из нищеты и тьмы, просвещал свой темный, обездоленный народ, но Михаил, став образованным, предает идеи отца. Он, утверждая о том, что «образование – ничто, а богатство – это сила», женится на дочери богача, основного врага своего отца. А.Е. Кулаковский в родном улусе не встретил поддержки своим идеям и вынужден был учительствовать, передвигаясь по бескрайним просторам Якутии. Учительствовал и Н.Д. Неустроев.

Тема образования в якутской литературе тех лет была одной из основных. В дореволюционной Якутии учителями становились политссылные, которые несли свет якутскому народу и которых люди чтили и уважали. Они в основном обучали на дому. Таков рассказ Суорун Омоллона «Свет, пробившийся в темноте» (1926). Отец поддерживает желание своего сына учиться. Они знакомятся с русским политссылным, который с радостью берется учить его сына. В рассказе показано несправедливое устройство дореволюционного якутского общества, при котором ребенок бедняка был лишен возможности учиться. Когда бедняк Яков решил отдать своего восьмилетнего сына Никуса в школу, то против этого дружно восстали «верхи» наслег: богатый старший брат грубо отказывает Якову в помощи, и Яков догадывается, что брат хочет в будущем с выгодой для себя эксплуатировать Никуса; школьный учитель, который является сыном самого улусного головы, встречает Якова и Никуса наглými издевками и выгоняет их. Не случайна в рассказе настойчивость Якова в стремлении устроить сына на учебу – он изображен как человек умный, хорошо понимающий пользу учения и суть классовых взаимоотношений (как полагает Яков, образованному человеку легче противостоять гнету богачей). Но Яков при всей своей настойчивости, разумеется, бессилен против засилия тойонов-богачей. И лишь благодаря политссылному Владимиру маленькому Никусу достанется свет ученья.

Название рассказа наделено смысловой перспективой. Согласно определению, С.С. Аверинцева, «символ – образ, взятый в аспекте своей знаковости, и, знак, наделенный всей органичностью мифа и неисчерпаемостью образа» [1, с. 378]. Но, с другой стороны, символ является художественной формой, выражающейся посредством элементов или средств изобразительного мира. Еще А.Ф. Лосев указывал на изобразительность символа [6, с. 11]. «Свет, пробившийся в темноте» – название само символично: речь идет не просто о пробившемся свете (в прямом значении), а о «свете, пробившемся сквозь темноту», который озаряет наступление светлого будущего и новой жизни.

Первые мероприятия советской власти не могли сразу преодолеть вековую отсталость. В 20-х годах XX века сохранялись старый быт, религиозные верования и предрассудки, традиционно узкие, косные взгляды на жизнь и т.д. Новая власть решала задачи культурной революции, в которой основным было претворение в жизнь права населения на образование.

В то время большое внимание уделялось развитию национальной школы, восстановлению в правах языка и культуры народа, воспитанию национальных кадров и т.д. Шла подготовка новых кадров советских учителей через систему краткосрочных курсов. В первое время усиленно шла агитационная работа, так как якуты не спешили отдавать детей в школу, особенно девочек. Но в 20-х годах многие трудности были преодолены. Образование в школе становилось обязательным.

Все эти мероприятия были отражены в произведениях художественной литературы. Школьная тематика стала одной из основных. Бяс Герасим в своих рассказах писал о непреодолимом желании и тяге детей к школе и конфликте с родителями. В стихотворении Элляя «Призыв к образованию» девушка просила мать отпустить ее учиться. Первые якутские писатели принимали своим творчеством участие в социально-политической ситуации. Начало создания образа учителя с данного периода обусловлено тем, что именно в это время происходит становление школы как социального института в современном понимании. Советская школа строилась на совершенно иных принципах, нежели дореволюционные образовательные учреждения. В соответствии с этим меняется и статус педагога. В.И. Ленин в 1923 г. писал: «Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе. Это – истина, не требующая доказательств». Именно поэтому учителя становятся популярными героями художественных произведений того времени.

Первые представители якутской интеллигенции ставили цель просвещения народа и становились учителями. Они стали организаторами первых школ в Якутии и для детей становились примером подражания, восхищения. Так Н.Мординов – Амма Аччыгыйа написал стихотворение «Моему учителю» («Маннайгы учууталбар») (1926). Автор передает слова благодарности своему первому, любимому учителю, ставшему для него образцом для подражания. На слова стихотворения мелодист Христофор Максимов создал музыку, песня до сих пор является любимой народом саха.

Стихотворение состоит из 40 поэтических строк, 10 строф, размеренный стих имеет по 6 слогов в каждой строке. Таким образом стихотворение и по своему содержанию, и по своей форме легко легло на музыку.

В произведениях тех лет особое внимание уделяется воспитательной работе учителей. В историко-революционном романе Эрилик Эристина «Марыкчанские ребята» (1942) изображаются как подростки становятся борцами за новую жизнь под влиянием их любимого учителя-революционера Чинарина. В романе-эпопее Амма Аччыгыйа «Весенняя пора» учителя имеют немаловажное значение в становлении характера главного героя Никиты Ляглярина как строителя новой жизни.

В то время дистанция между учителем и учеником была огромная, на учителя смотрели как на небожителя. Но писатели старались показывать и человеческие качества учителя в его общении с учениками. В повести Н. Габышева «Далеко в Амычане» (1948) ученики дружат со своим учителем и под его руководством создают экспедицию по поиску глины, нужной для строительства новой школы.

Огромным достижением якутской литературы стал ее первый социально-психологический роман «Пока бьется сердце» (1967). Автор – Софрон Данилов, сам работавший в школе, впервые показал жизнь и работу педагогического коллектива и раскрыл отношения между учителями и учащимися. Над своим романом Софрон Данилов начал работать с 1959 года. О важности темы этого произведения он говорил: «Мне надо было выговориться. Уверен, основа основ – школа. Именно от нее во многом зависит, каким вырастет человек. А это в конечном итоге определяет жизнь нашего общества» [3, с. 43].

Учителя в романе представлены разными: кто-то рьяно борется за показатели в учебе, кто-то хочет донести до учащихся истинное знание и воспитать достойного человека, кто-то небрежно относится к

своей работе, кто-то старается, но встречается с трудностями и т.д. При этом и по характеру учителя разные люди, потому возникают конфликты: кто-то подлаживается под начальство, кто-то смело высказывается, кто-то незаметно делает мерзкие дела, а кто-то и вовсе выступает скандалистом и т.д. Впервые в художественном произведении учителя предстали в таком разноплановом свете. И ученики имеют свои предпочтения, есть учителя, которых они уважают, и другие, которых они не воспринимают. В романе образуется сложный переплет отношений учителей и учащихся. В образе главного героя романа Сергея Аласова мы видим «знакомого незнакомца». В.Окорокова отметила, что образ Аласова представляет собой тип нового героя в якутской литературе, навеянный временем «оттепели» и воплотивший идеалы самого автора [7, с. 35]. В конкретном образе выражены общие черты, присущие передовым педагогам нашего времени. Об этом свидетельствуют его поступки и действия, мысли и высказывания. Художественный образ представляет собой синтез индивидуального и типического, субъективного и объективного. «Сергей Аласов, - пишет Александр Власенко, – школьный учитель из таежного поселка Арылах, смело может стать в один ряд с лучшими героями современной литературы. Чем же он завоевывает наши сердца?.. Все дело в том, что автор, не нарушая логики сюжета, сумел в своих обобщениях характера главного героя выйти за рамки «частного» столкновения мнений в школьной среде, придать конфликту более серьезное общественно-политическое и философское звучание» [4, с. 117].

Роман получил широкий общественный резонанс. Критики справедливо отметили, что «в далекой якутской деревне, лежащей среди непроходимой тайги и огромных сугробов, отразились коллизии всего советского общества рубежа 50-60-х годов» [7, с. 33]. «Новизна общественной и духовной жизни сказалась в углубленном исследовании социальных конфликтов. В объективном воссоздании сложной нравственной атмосферы общества, активном интересе к внутренней жизни человека» [3, с. 42]. И это действительно так. Роман Софрона Данилова родился в эпоху т.н. «оттепели» и показал состояние общества того времени.

Исследователи литературы достоинством романа считают «удачное перенесение» автором, казалось бы, чисто психологических личных конфликтов в сферу социальных проблем. В своем произведении автор ставит ряд крупных проблем современного ему общества: нравственное воспитание подрастающего поколения, моральный облик учителя, роль семьи, школы, учителя в формировании личности ученика, отношение к исторической памяти своего народа, проблема противостояния верности и предательства, добра и зла, душевной чистоты и моральной непорядочности и др.

«Роман «Пока бьется сердце», – писал профессор Г.П. Башарин, – выгодно отличается правдивостью и убедительностью автора, и глубиной проводимых им идей. Таким образом, мы имеем дело с романом, представляющим крупное событие в истории культуры Якутии» [2].

Первое произведение Далана – повесть «Дивная весна», посвященная жизни сельской школы, появилось в 1978 году. Годы многолетней педагогической работы, богатый жизненный опыт помогли ему в зрелом возрасте создать произведение, затрагивающее многие животрепещущие проблемы своего времени. На примере жизни десятиклассника средней школы Кеши Попова, героя его повести, автор показывает духовный рост молодого человека, вступающего в самостоятельную жизнь. Кеша Попов, изучая историю родной школы, проникает в историю своего края, знакомится с прошлым и настоящим родного народа. Изучение

истории школы помогает ему понять кровную связь нынешнего поколения с судьбой и историей народа, с его историческими и нравственными традициями. Кеша Попов, анализируя жизнь репрессированного Джорготова, приходит к выводу, выраженному пламенными строками Степана Цвейга: «Так подвиг, казавшийся напрасным, становится животворным, неудача – пламенным призывом к человечеству напрячь силы для достижения досель недостижимого, облетная смерть порождает удесетяренную волю к жизни, трагическая гибель – неудержимому стремлению к уходящим в бесконечность вершинам» [5, с. 89]. Кеша, как молодой человек того времени, отличается начитанностью.

Немаловажную роль в формировании характера Кешы Попова играют учителя Дмитрий Дмитриевич, Анна Ивановна и другие. Например, Дмитрий Дмитриевич в сложных, порою драматических обстоятельствах сохранил твердость духа, уверенность в правоте святого дела. В повести большое место отведено описанию психологического и эмоционального микроклимата педагогического коллектива. Запоминается читателям учительница английского языка Людмила Сергеевна. Нравственное преображение молодежи, появление светлых начал в их чувствах, мыслях и поступках – все связано с Людмилой Сергеевной, и потому возрастает значение этого образа. В повести даны образы и других учителей. Например, противопоставлены друг другу учительница литературы Федора Алексеевна и классная руководительница десятого класса Анна Ивановна. Писатель, раскрывая основные черты их характера, подчеркивает, что главными нравственными критериями оценки работ воспитателей подрастающего поколения являются их отношение к труду, общественная значимость их практической деятельности и их личностные качества. Такие учителя, как Анна Ивановна, Людмила Сергеевна и другие оказывают влияние на формирование характера юного героя повести.

Далан в своей повести о изображает конкретно-историческую атмосферу якутской деревни 50-60-х годов.

По повести В.С. Яковлева – Далана «Дивная пора» был снят одноименный фильм, показан спектакль на сцене Саха театра.

В произведениях современной якутской литературы также находит отражение образ учителя. Таковы произведения Т.Находкиной, Куорсуннаах, Харысхал, Айысхааны и многих других. В повести «Ядовитая игла» (2005), романе в двух книгах «Ростки на ветру» (2015) А.Варламовой-Айысхааны также показывается жизнь школы, взаимоотношения учителей и учеников. Проблемы современного общества вторгаются в ее произведения – алкоголизм и наркомания среди молодежи, конфликт молодежи с родителями и учителями, сложные отношения подростков и т.д.

В исторической драме В. Васильева-Харысхала «Учитель» (2013) прототипом становится народный учитель СССР (1982) М.А. Алексеев, воспитавший несколько поколений учащихся, из которых выросли знаменитые ученые, общественные деятели. Он был основателем первой в Якутии школы с углубленным изучением основ физики и математики, инициатором и вдохновителем физико-математического движения в республике, реформатором физико-математического образования, инноватором профильного обучения 1960-х годов. Перед ним преклоняются все его ученики. Поэтому писатель создает идеальный образ учителя.

Автор драмы мастерски показал весь нелегкий жизненный путь М.А. Алексеева: осиротевшего рано, вошедшего, попавшего в плен к фашистам, испытавшего адские муки в стенах лагеря ГУЛАГ, получив клеймо «враг народа». Но, несмотря на эти тяжелые испытания судьбы, М.А. Алексеев не сломился. Нелегкое детство и отрочество стали краеугольным камнем формирования его личности, удивительно стойкого характера, благодаря которому он сумел противостоять неоднократным жестоким ударам судьбы. Через 14 лет вернувшись на родину, он начал работу учителя, претворил все свои заветные мечты в жизнь.

Таким образом, на всех этапах истории якутской литературы воплощался образ учителя. И каждый раз литература отражала конкретное время и его задачи. В литературе 20-30-х годов образ учителя идеален потому, что образование чтили и смотрели как на излучение света. Между тем учителя тех лет в основном были малообразованные люди, но с большим энтузиазмом взявшиеся за обучение детей. С 40-х годов писатели начинают раскрывать его человеческие качества и индивидуальность как в повести Н.Габышева «Далеко в Амычане». С романа Софрона Данилова «Пока бьется сердце» начинается показ сложного коллектива педагогов, что продолжено в повести Далана «Дивная жизнь». В произведениях современных писателей, в которых отражены проблемы современного общества, воспитание подрастающего поколения становится краеугольным камнем, где основную роль играют родители и школа. Но в каждом конкретном случае проблемы разрешаются по-разному. В драме Харысхала «Учитель» главный герой – идеальный учитель, так как он имеет реальный прототип народного учителя, писатель показывает опыт его работы как пример для подражания. Учитель – это особый образ в якутской литературе, несущий свет молодому поколению.

Литература

1. Аверинцев С.С. Символ в искусстве: литературно-энциклопедический словарь. М.: Наука, 1987. С. 378 – 379.
2. Башарин Г.П. Крупное произведение якутской литературы // Социалистическая Якутия. 1973. 18 июня.
3. Васильева Д.Е. Художественный мир Софрона Данилова: специфика социально-психологической прозы. Якутск: Бичик, 2012. 144 с.
4. Власенко А.Н. Расцвет. О современной литературе народов РСФСР. Москва, 1973. 249 с.
5. Далан-Яковлев В.С. Дивная весна. На якут.яз. Якутск: Бичик, 2001. 336с.
6. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976. 367 с
7. Окорокова В.Б. Герой литературы. На якут.яз. Якутск: изд-во ЯГУ, 2005. 90 с.

References

1. Averincev S.S. Simvol v iskusstve: literaturno-jenciklopedicheskij slovar'. M.: Nauka, 1987. S. 378 – 379.
2. Basharin G.P. Krupnoe proizvedenie jakutskoj literatury. Socialisticheskaja Jakutija. 1973. 18 ijunja.
3. Vasil'eva D.E. Hudozhestvennyj mir Sofrona Danilova: specifika social'no-psihologicheskoy prozy. Jakutsk: Bichik, 2012. 144 s.
4. Vlasenko A.N. Rascvet. O sovremennoj literature narodov RSFSR. Moskva, 1973. 249 s.

5. Dalan-Jakovlev V.S. Divnaja vesna. Na jakut.jaz. Jakutsk: Bichik, 2001. 336s.
6. Losev A.F. Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo. M.: Iskusstvo, 1976. 367 s
7. Okorokova V.B. Geroj literatury. Na jakut.jaz. Jakutsk: izd-vo JaGU, 2005. 90 s.

*Boronova M.L.,
Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov*

The image of a teacher in Yakut literature

Abstract: 2023 has been declared the Year of the Teacher and Mentor. A teacher is one of the main professions in society, playing a huge role in everyone's life. The image of a teacher has been created in Yakut literature throughout its history, since enlightenment has become one of the key tasks of the twentieth century for illiterate, dark people. Poems, short stories, novellas, novels and dramas were written about the teacher. At the beginning of the twentieth century, the image of the teacher was idolized, he was an ideal hero. At the present stage, the teacher is perceived as an active member of society, at the same time, writers reveal his character, showing his relationships with colleagues in the team and with the younger generation. Thus, his image becomes more complicated, filled with vital authenticity. The article aims to study the image of the teacher in the Yakut literature.

Keywords: Yakut literature, teacher's image, genre, conflict, problem

For citation: Boronova M.L. The image of a teacher in Yakut literature. Philological Bulletin. 2023. 2 (1). P. 11 – 17.

*Карданова Б.Б., кандидат искусствоведения, доцент,
Союз композиторов России*

О христианизации средневековых тюрко-монгольских племен и их потомков-ногайцев в публикациях зарубежных и отечественных авторов

Аннотация: в статье приводятся документальные свидетельства о христианизации (и её попытках) отдельных тюрко-монгольских племен – предков ногайцев, а также ногайцев эпохи средневековья и нового времени, дисперсно проживавших в разных регионах евразийского континента. Актуальность данного исследования обусловлена неизученностью многих сфер религиозных воззрений народа в историческом, географическом, мировоззренческом и культурологическом аспектах. Цель работы – рассмотреть основные направления христианства, получившие в той или иной степени распространение среди тюрко-монгольских племен и самого ногайского народа в разные исторические периоды. Поставленная цель обуславливает решение следующих задач: 1) выделить основные направления христианства, упоминаемые в литературных источниках, с которыми эпизодично соприкасались ногайцы и их предки в своей многовековой истории; 2) определить географию распространения христианства у ногайцев и их предков; 3) рассмотреть исторические факты, приводимые в опубликованных литературных источниках, связанные с попытками их христианизации. Отмечается, что в истории ногайцев и их дальних предков обнаруживается эпизодическое распространение нескольких направлений христианства: несторианство, католицизм и православие, которые появлялись в разные исторические периоды и были маркерами определенных этапов эволюционного развития их религиозных воззрений. История христианизации ногайского этноса носила как массовый, так и единичный, как принудительный, так и добровольный характер. Отличительной особенностью всех направлений христианства у ногайских субгрупп было их сочетание с ранними формами религиозных верований и исламом. *На процессы христианизации многочисленных ногайских этнических групп оказывали влияние разные факторы: политические (племенные, внутригосударственные, межгосударственные отношения, конфликты и войны); миссионерская деятельность в регионах проживания ногайского населения представителей отдельных христианских направлений; их миграции в разные исторические периоды; общий уровень жизни и образования народа и т.д.*

Ключевые слова: христианизация, ногайцы, несторианство, католицизм, православие, старокрещенцы, новокрещенцы

Для цитирования: Карданова Б.Б. О христианизации средневековых тюрко-монгольских племен и их потомков-ногайцев в публикациях зарубежных и отечественных авторов // Филологический вестник. 2023. Том 2. № 1. С. 18 – 24.

Ногайцы – тюркоязычная народность, на протяжении многих столетий исповедовавшая ислам, но в истории которого обнаруживаются следы других верований и религий – от раннего тотемизма и шаманизма – до тенгрианства и суфизма. Малоизученными до настоящего времени остаются некоторые сведения о распространении раннего христианства (несторианства), эпизодичном распространении православия и католицизма среди тюрко-монгольских племен, составивших субстрат ногайской народности, а также некоторые факты о более поздней христианизации (или её попытке) ногайцев в разные исторические периоды, вплоть до XIX в.

Следует отметить, что фрагментарные упоминания о христианском следе в истории предков ногайцев и отдельных ногайских субгрупп обнаруживаются в публикациях авторов XVIII-XXI вв.: П.И. Рычкова, П.И. Небольсина, Е.А. Бектеевой, М.С. Глухова, В.В. Трепавлова, А.А. Ярлыкапова, Р.Х. Керейтова, В.М. Викторина, И.Р. Атнагулова и некоторых других авторов.

Как известно из многочисленных литературных источников, среди населения Центральной Азии, куда входили гунны и тюрки, христианство распространялось уже с V в. В этот же период появляется догматическое течение в христианстве – несторианство, которое развивалось в локальных богословских школах. Основателем течения был патриарх Несторий (родом из Персии, умер в 450 г.). В конце IV в. началось гонение огнепоклонников в Персии на несториан, что привело к их массовому переселению на Восток. К концу VII в. несторианство активно распространялось среди иранских, среднеазиатских, центральноазиатских тюрко-монгольских и некоторых кавказских племен. В IX в. происходит расцвет «степного несторианства», а к XI в. оно настолько утвердилось среди тюрков-кипчаков, что в Самарканде уже находилась несторианская митрополия [2]. В начале XI в. несторианство приняла некоторая часть племен керейтов, в XII – найманов, чигили и др. О христианизации предков ногайцев пишет и ногайский этнограф Р.Х. Керейтов, который, в частности, отмечает, что некоторые племена, впоследствии вошедшие в состав ногайцев, были христианами – несторианцами [4, с. 369]. Они могли слушать несторианские проповеди на тюркских языках еще с V-VI вв.

Широкое распространение несторианство получило и в Золотой Орде, где также функционировали несторианские храмы, дети самого Чингиз-Хана состояли в браке с несторианцами, а внуки воспитывались ими [14].

О распространении несторианства среди многочисленных ногайско-кипчакских племен отмечает ногайско-кипчакский историк И.Р. Атнагулов: «Известно также о бытовании несторианского христианства в ногайско-кипчакской среде эпохи Золотой Орды. Трудно установить, какое количество христиан осталось после исламизации населения этого государства. Возможно, что какая-то часть населения сохраняла приверженность несторианству» [1].

Как известно из литературных источников, в Золотой Орде, где процветал религиозный плюрализм, были распространены не только несторианство, язычество (шаманизм, тенгрианство), буддизм, зороастризм, но и другие направления христианства: арианство, католицизм и православие, которые также оставили свой след в истории древних и средневековых тюрков, в том числе и ногайцев [14].

В истории предков ногайцев определенный след оставил *католицизм*. В литературных источниках мно-

гократно отмечается о принятии католицизма в XIII в. половецким Ханом Котьяном Сутоевичем (предположительно родом из племени едиган), родившемся в Дешт-и-Кипчак. Имя хана сохранилось до наших дней в ногайских фольклорных текстах и эпосе «Эдиге» [12]. В 1237/1239 Хан Котьян со своими соплеменниками (в количестве 40 тысяч человек) перебирается в Венгрию, вынужденно принимая там католическую веру. После заговорщического убийства Хана венгерской аристократией, часть половцев, отрекшись от католицизма, откочевала в Болгарию. Однако оставшаяся в Венгрии половецкая аристократия долгие годы занимала высокое положение при королевском дворе. Несмотря на то, что судьба самого Хана Котьяна завершилась трагически, многие его потомками оставили существенный след в истории Венгрии и других государств. Так, его детьми были: королева Венгрии Елизавета Куманская (1239/1240-1290), король Венгрии Ласло IV Кун (1272-1290), Правитель Боснии Владислав Боснийский (1295-1354). Внучка Хана Котьяна, Мария Венгерская (ок. 1257-1323), была королевой (консорт) Неаполитанского королевства, другая его внучка, Феодосия Мстиславовна, была матерью Александра Невского и др. [7, 11].

В конце XIII-XIV в. христианизацию венгерских половцев, в частности, насаждение среди них католицизма, осуществляли минориты (представители католического нищенствующего монашеского ордена, основанного в 1209 г.) и доминиканцы-католики. Наибольший успех в деле окатоличивания половцев был достигнут в XV в. [7]. В Центральной Азии складывалась иная картина – после исламизации населения Золотой Орды там были вытеснены все другие вероучения, в том числе и христианские.

Следующая волна христианизации ногайцев, как и других тюркоязычных народов Поволжья и Урала, началась в середине XVI в. После взятия Казани Иваном Грозным (1552 г.) была учреждена Казанская Епархия и принято решение о крещении нерусского населения. Однако добровольной христианизации поддались лишь те группы, которые ранее были несторианцами либо язычниками (или полуязычниками). Крещенные в этот период тюркоязычные этногруппы, в том числе и ногайские, назывались «старокрещёными» [3].

На первом этапе крещению подверглись выходцы из Ногайской Орды, преимущественно ногайская аристократия. В их числе был сын известной казанской царицы Суйимбийке (дочери ногайского бия Юсуфа и праправнучки Эдигея) Утямыш-Гирей (после крещения названный Александром Сафакиевичем), а также 600 гвардейцев (беков) царицы Суйимбийке [3, 13].

В последующей истории России известны родовые фамилии ногайской аристократии, принявшие православную веру: Байтерековы, Канбаровы, Кутумовы, Тинбаевы, Тинмаметевы, Урмаметевы, Урусовы, Шайдяковы, Юсуповы. Из их числа в настоящее время известны только Урусовы и Юсуповы [13].

На протяжении последующих столетий массовой христианизации подвергались и простые ногайцы, совместно с другими тюркскими народами Поволжья и Урала. Особый же размах христианизация получила в XVIII в. Его началом послужило издание Петром Первым в 1713, 1715 гг. указов о крещении нерусскоязычного населения России, приведшее к волне христианизации многочисленных тюркских народов. В 1740 г., при правлении Анны Иоанновны, создается «Контора новокрещенских дел», целью которой была ненасильственная христианизация инородцев – языческого и мусульманского населения, но на деле же христианизация носила принудительный характер. Крещенные в этот период группы населения, назывались

«новокрещёными». В 1773 г. Екатерина II издала указ о веротерпимости, запрещавший насильственное обращение в православие, что позволило части крещеных инородцев (в том числе и ногайцам) вернуть свою первоначальную веру [2].

В числе крещеных «инородцев» оказались ногайцы Казанской губернии, переселившиеся из низовьев Волги в Восточное Закамье, и, отчасти, вступившие здесь во взаимодействие с другими переселенцами. Территориями их расселения были: изначально Уфимская провинция, а с 1780-х гг. – Оренбургская губерния. Среди переселенцев оказались потомки гвардейцев царицы *Суйимбийке*, позже составившие основной компонент этнического субстрата нагайбаков, которых до середины XIX в. называли «уфимскими новокрещенцами» [8, 9].

Исследователи того времени отмечали, что до XIX в. они были православными христианами только формально, и только после перевода церковных текстов на понятный им язык (в 1880 г.), население изменило свое отношение к православной религии (П.И. Небольсин, Е.А. Бектеева и др.). Сейчас нагайбаки отмечают все основные христианские праздники: Масленица – *Май чабу*, Троица – *Тройсын* и др., но в то же время помнят свои древние (языческие) обряды и праздники (жертвоприношения, поминания предков, поминальные тризны).

В XIX в. христианизации подверглась и часть северокавказских ногайцев. Говоря об этом процессе, А.А. Ярлыкапов указывает на основную причину его неудачи – к этому времени на духовную культуру ногайцев уже оказывал огромное влияние ислам, «став частью их этнического облика. С 1802 г. среди кумских ногайцев вели христианскую проповедь шотландские миссионеры Генри Бронтон и А. Патерсон; они перевели на ногайский язык и издали часть Ветхого Завета и все четыре Евангелия [6, с. 98, 99]. Миссионерам не удалось обратить в христианство сколько-нибудь заметного числа местных жителей, и основанная ими Шотландская миссия решением российского правительства в 1835 г. была закрыта [5, с.114] Видимо, деятельность христианских проповедников коснулась и жителей Ногайской степи. Во всяком случае, побывавший там между 1824 и 1835 гг. А.М. Павлов заметил, что в христианство обратилась «малейшая часть» ногайцев, которая подает собой пример «в исполнении церковных обрядов и благочестивой жизни» [10, с. 22]. Однако позже не осталось и следов этой «малейшей части» христианизированных ногайцев; ничего не помнят о них пожилые ногайцы, не упоминают о них и предания» [15, с. 42].

Итак, согласно опубликованным в печати разного рода документальным и фольклорным материалам, история христианизации ногайцев и их предков охватывала многие столетия. Она носила как массовый, так и единичный, как принудительный, так и добровольный характер. Отличительной особенностью всех направлений христианства у предков ногайцев и разных этнических субгрупп народа было их сочетание с ранними верованиями и исламом.

На процесс христианизации ногайских этнических групп оказывали влияние разные факторы:

– политические (внутриплеменные и межплеменные, внутригосударственные, и межгосударственные отношения, а также войны);

- миссионерская деятельность среди ногайского населения представителей разных христианских конфессий;
- миграционные процессы в разные исторические периоды;
- уровень жизни и образования населения.

Литература

1. Атнагулов И.Р. К вопросу об этногенезе и периодизации этнической истории нагайбаков // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 2 (44). С. 309 – 318.
2. Баркаръ Е. Кипчакско-несторианское происхождение кряшен // Современное кряшеноведение: состояние, перспективы. Материалы научной конференции 23 апреля 2005 года в г. Казани. С. 56 – 64.
3. Глухов-Ногайбек М. Судьба гвардейцев Сеюмбеке. Казань: Изд-во "Ватан", 1993. 285 с.
4. Керейтов Р.Х. Ногайцы: Особенности этнической истории и бытовой культуры. Ставрополь: Сервисшкола, 2009. 468 с.
5. Краснокутская Л.И. Из истории шотландской колонии Каррас // История Северного Кавказа с древнейших времен по настоящее время (Тез. конф. 30-31 мая 2000 г.). Пятигорск, 2000. С. 111 – 115.
6. Курмансеитова А.Х. Библия на ногайском языке // ПЛ. 1991. № 1. С. 98 –100.
7. Малышев А.Б. Половцы в Венгрии и Золотая Орда в середине – конце XIII в. // Дешт-и-Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. Материалы международной конференции. М. 2004. <http://library.sgu.ru/engels/conf/conf.htm>
8. Тишков В. Народы России: энциклопедия. М., 1994. 479 с.
9. Небольсин П.И. Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский край // Вестник ИРГО.4. IV 1. С. 1 – 34.
10. Павлов А. О ногайцах, кочующих по Кизлярской степи. СПб., 1842. 47 с.
11. Селезнёв Ю.В. Котян // Элита Половецкой степи. Воронеж: «Научная книга», 2019. С. 136 – 140.
12. Селезнёв Ю.В. Половецкий князь Котян и память о нём в ногайской эпической традиции // Ногайцы: XXI век. история. язык. культура. от истоков – к грядущему. Карачаевск, 02-03 октября 2019 года. С. 122 – 125.
13. Трепавлов В.В. Тюркская знать в России (ногаи на царской службе // Вестник Евразии. 1998. № 1-2 (4-5). С. 97 – 109.
14. Христианство в Золотой Орде // Малов Н.М., Малышев А.Б., Ракушин А.И. Религия в Золотой Орде: учеб. пособие. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1998. 128 с.
15. Ярлыкапов А.А. Ислам у степных ногайцев. М.:ИЭА РАН, 2008. 266 с.

References

1. Atnagulov I.R. K voprosu ob jetnogeneze i periodizacii jetnicheskoj istorii nagajbakov. Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2014. № 2 (44). S. 309 – 318.
2. Barkar' E. Kipchasko-nestorianskoe proishozhdenie krjashen. Sovremennoe krjashhenovedenie: sostojanie, perspektivy. Materialy nauchnoj konferencii 23 aprelja 2005 goda v g. Kazani. S. 56 – 64.
3. Gluhov-Nogajbek M. Sud'ba gvardejcev Sejumbekke. Kazan': Izd-vo "Vatan", 1993. 285 s.
4. Kerejtov R.H. Nogajcy: Osobennosti jetnicheskoj istorii i bytovoj kul'tury. Stavropol': Servisshkola, 2009. 468 s.
5. Krasnokutskaja L.I. Iz istorii shotlandskoj kolonii Karras. Istorija Severnogo Kavkaza s drevnejshih vremen po nastojashhee vremja (Tez. konf. 30-31 maja 2000 g.). Pjatigorsk, 2000. S. 111 – 115.
6. Kurmanseitova A.H. Biblija na nogajskom jazyke. PL. 1991. № 1. S. 98 – 100.
7. Malyshev A.B. Polovcy v Vengrii i Zolotaja Orda v seredine – konce XIII v. Desht-i-Kipchak i Zolotaja Orda v stanovlenii kul'tury evrazijskih narodov. Materialy mezhdunarodnoj konferencii. M. 2004. <http://library.sgu.ru/engels/conf/conf.htm>
8. Tishkov V. Narody Rossii: jenciklopedija. M., 1994. 479 s.
9. Nebol'sin P.I. Otchet o puteshestvii v Orenburgskij i Astrahanskij kraj. Vestnik IRGO.4. IV 1. C. 1 – 34.
10. Pavlov A. O nogajcah, kochujushhiih po Kizljarskoj stepi. SPb., 1842. 47 s.
11. Seleznojv Ju.V. Kotjan. Jelita Poloveckoj stepi. Voronezh: «Nauchnaja kniga», 2019. S. 136 – 140.
12. Seleznojv Ju.V. Poloveckij knjaz' Kotjan i pamjat' o njom v nogajskoj jepicheskoj tradicii. Nogajcy: XXI vek. istorija. jazyk. kul'tura. ot istokov – k gradushhemu. Karachaevesk, 02-03 oktjabrja 2019 goda. S. 122 – 125.
13. Trepavlov V.V. Tjurkskaja znat' v Rossii (nogai na carskoj sluzhbe. Vestnik Evrazii. 1998. № 1-2 (4-5). S. 97 – 109.
14. Hristianstvo v Zolotoj Orde. Malov N.M., Malyshev A.B., Rakushin A.I. Religija v Zolotoj Orde: uceb. posobie. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1998. 128 s.
15. Jarlykapov A.A. Islam u stepnyh nogajcev. M.:IJeA RAN, 2008. 266 s.

*Kardanova B.B., Candidate of Art Criticism (Ph.D.), Associate Professor,
Union of Composers of Russia*

On the Christianization of medieval Turkic-Mongolian tribes and their descendants-Nogais in the publications of foreign and domestic authors

Abstract: the article presents published documentary evidence of the Christianization (or its attempts) of individual Turkic-Mongolian tribes – the ancestors of the Nogais, as well as the Nogais of the Middle Ages and Modern times, who lived variously in different regions of the Eurasian continent. The relevance of this study is due to the unexplored nature of many areas of religious views of the people in historical, geographical, ideological and cultural aspects. The purpose of the work is to consider the main trends of Christianity, which have become more or less widespread among the Nogais in different historical periods. The set goal determines the solution of the following tasks: 1) to identify the main directions of Christianity, with which the Nogais and their ancestors occasionally came into contact in their centuries-old history; 2) to determine the geography of the spread of Christianity among medieval and modern Nogais; 3) to consider historical facts cited in published literary sources related to attempts to Christianize them. It is noted that in the history of individual Turkic-Mongolian tribes, as well as medieval and modern Nogais, there is an episodic spread of several trends of Christianity: Nestorianism, Arianism, Catholicism and Orthodoxy, which appeared in different historical periods and were markers of certain stages of the evolutionary development of their religious views. The history of the Christianization of the Nogai ethnic group spanned many centuries; it was both massive and individual, both forced and voluntary. A distinctive feature of all the trends of christianity among the Nogai subgroups was their combination with early forms of religious beliefs and Islam. The processes of Christianization of Nogai ethnic groups were influenced by various factors: political (tribal, intra-state, interstate relations, conflicts and wars); missionary activity in the regions where the Nogai population of representatives of different Christian trends lived; their migration in different historical periods; the general standard of living and education of the people, etc.

Keywords: Christianization, Nogais, Nestorianism, Catholicism, Orthodoxy, old baptists, new baptists

For citation: Kardanova B.B. On the Christianization of medieval Turkic-Mongolian tribes and their descendants-Nogais in the publications of foreign and domestic authors. *Philological Bulletin*. 2023. 2 (1). P. 18 – 24.

*Черкасова А.С., ассистент, аспирант,
Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ),
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова*

Кристаллизация концепта «Wall» (стена) в романе Р. Баха «Мост через вечность: история любви» («The bridge across forever: a lovestory»)

Аннотация: статья посвящена изучению процессов кристаллизации аксиологических доминант художественного дискурса. Дискурс рассматривается как сложная структурно-смысловая аксиологическая система, выполняющая определенные функции. В основе дискурса лежит система концептов, выступающих как совокупность смыслов. Кристаллизация в значительной степени способствует обнаружению базовых смыслов и метасмыслов, позволяет проследить процесс их взаимодействия и вытеснение одних смыслов другими под воздействием лингвистических и экстралингвистических факторов. В статье анализируются контексты в их последовательности и взаимодействии, что позволяет понять происхождение художественного концепта Wall (стена) и показать влияние процессов кристаллизации на формирование текста и аксиологической системы. В результате Wall (стена) предстает как совокупность смыслов, реализующих важные для авторского мира понятия препятствий и их преодоления, это концепт, позволяющий объединить вещи предметного мира и абстрактные понятия, временные отрезки в единое целое. Автор приходит к выводу, что специфика процессов кристаллизации концептов определяет особенности функционирования художественного дискурса. Приведенные примеры иллюстрируют освещаемые утверждения. Методы анализа: контекстуальный, лингвогерменевтический, приемы смысловой кристаллизации. Практическая значимость заключается в возможности применения полученных результатов в курсах теории дискурса, стилистики, интерпретации текстов.

Ключевые слова: концепт, художественный текст, художественный дискурс, кристаллизация, стена, смысл

Для цитирования: Черкасова А.С. Кристаллизация концепта «Wall» (стена) в романе Р. Баха «Мост через вечность: история любви» («The bridge across forever: a lovestory») // Филологический вестник. 2023. Том 2. № 1. С. 25 – 33.

На современном этапе научного развития проблема понимания текста является объектом междисциплинарных исследований, учитывающих опыт философии, лингвистики, психологии, литературоведения и др. с целью герменевтической интерпретации текста, предполагающей углубление понимания, постижение всей широкой палитры смыслов, метасмыслов, интертекстуальных связей и гипертекстового пространства.

Художественный текст как составной компонент художественного дискурса представляет собой многозначное и многоплановое явление. Говоря о сложностях, связанных с его пониманием и интерпретацией, в

рамках данного исследования представляется важным изучить способы образования смысла и его извлечения, т.н. процесс кристаллизации, а также его связь с концептуальными сферами автора и адресата.

В последние десятилетия термин кристаллизация получил довольно широкое применение в лингвистических исследованиях, хотя до этого времени он преимущественно фигурировал применительно к тем или иным естественным процессам, вызванным физическими или химическими изменениями. Однако при всех достижениях науки в данном направлении понятие «кристаллизация» по-прежнему не имеет четкого и общепризнанного определения, которое бы охватывало все аспекты его применения в силу недостаточной изученности.

В рамках лингвистических исследований представленный термин был впервые употреблен В. фон Гумбольдтом по отношению к языку, возникновение которого автор сравнивает с тем, «как в физической природе кристалл примыкает к кристаллу» [5, с. 162]. Отмечая постепенность кристаллизации и ее подчиненность конкретным законам, исследователь трактует данное понятие как процесс наращивания и выявления смыслов, осуществляемый под влиянием обогащающейся духовной культуры. По мнению цитируемого нами автора, язык достигает зрелости при завершении кристаллизации.

Не менее важными представляются труды Э. Кассирера, который обратился к проблеме происхождения и природы языка, в рамках которой он и рассматривает представленное понятие. Автор отмечает, что с древнейших времен человек ощущал некую магическую силу, связанную со словом. В процессе исторического развития представления о нем претерпевали некоторые изменения, усиливая осознание его важной роли в жизни людей. В рамках нашего исследования интерес представляет то обстоятельство, что в понимании Э. Кассирера слово выступает в качестве источника кристаллизации смысла. Благодаря фиксации в нем содержание извлекается из непрерывного потока становления. Многозначность и подвижность слова, которое постоянно выходит за свои пределы, является существенным и позитивным фактором его выразительной способности, демонстрируя подвижность как границ языка, так и самой реальности. В понимании автора слово, структурируя человеческий опыт, будучи символичным, многозначным, метафоричным, оставляет в пространстве этого опыта следы, пропорциональные своему смысловому объему [16, р. 119-120, 165]. Следует отметить, что работы Э. Кассирера внесли существенный вклад в дальнейшее исследование процесса кристаллизации смысла.

В настоящее время исследования кристаллизации как техники понимания представлены в работах И.П. Черкасовой, И.А. Воробей, М.С. Семенова, М.А. Ткачева, К.Ю. Редкозубовой и др., каждый из которых акцентирует свое внимание на тех или иных аспектах этого, безусловно, сложного и многогранного явления.

По мнению И.П. Черкасовой, ключевое слово в тексте выступает в качестве точки кристаллизации, некоего «центра», «фокуса», «от которого «расходятся круги» понимаемого содержания, оно постепенно обрывает смыслом, вбирая в себя все контекстуальные значения» [11, с. 82]. Также цитируемый автор предлагает метод кристаллизации смысла концепта, который включает:

- а) выделение в тексте контекстов, репрезентирующих конкретный концепт;
- б) интерпретацию данных контекстов, которая основывается на распределении смыслов;

в) обнаружение смыслов и метасмыслов, выступающих в качестве структуры авторского концепта и формирующих в диалогическом пространстве [12, 14] дихотомию или многоголосие бытийного универсума текста [13].

Занимаясь изучением смыслообразования в пространстве поэтического текста, И.А. Воробей описывает процесс кристаллизации смысла того или иного явления как объединение в некие комплексы отдельных фрагментов опыта. Автор также отмечает, что при кристаллизации смысла слова происходит изменение слоя его значений, в результате чего наблюдается наслоение дополнительных смыслов и значений на те, которые уже стали традиционными и формирование слова с четко обозначенным смыслом. Именно процесс наращивания смысла на основе слова определяется исследователем как кристаллизация смысла [4, с. 31-32]. Подобной точки зрения придерживается и И.Г. Ткаченко [10, с. 32].

Как технику послойного формирования смысла, базирующуюся на стремлении достижения высшего уровня понимания, а также процесс «перерастания» значений и содержаний в смыслы под воздействием контекста трактует кристаллизацию К.Ю. Редкозубова [9, с. 73-74].

Мы считаем, что кристаллизация в значительной степени способствует обнаружению базовых смыслов и метасмыслов, позволяет проследить процесс их взаимодействия и вытеснение одних смыслов другими под воздействием лингвистических и экстралингвистических факторов.

Обращаясь к мнению ведущих исследователей по данному вопросу, в числе первых назовем С.А. Аскольдова, который считает, что художественный концепт представляет собой комплекс рационального и иррационального, т.е. сочетание понятий, представлений, чувств, эмоций, порой и волевых проявлений. Исследователь также отмечает, что связь элементов данного типа концепта основывается на художественной ассоциативности, которой чужды логика и реальная прагматика, что придает ему особую ценность [1, с. 274-275]. Как универсальный художественный опыт, который зафиксирован в культурной памяти и может быть ферментом и строительным материалом при конструировании новых художественных смыслов, интерпретирует представленное понятие Л.В. Миллер [7, с. 42]. Исследователь также отмечает, что совокупность художественных концептов, создающих художественную картину мира, представляет собой образование с конкретными качественными и количественными характеристиками и может со временем трансформироваться [7, с. 44].

Интересной представляется точка зрения О.Е. Беспаловой, которая понимает под художественным концептом единицу сознания писателя или поэта, представленную в художественном произведении или их совокупности и транслирующую индивидуально-авторское осмысление сущности тех или иных явлений или предметов [2, с. 6]. Говоря о ключевых особенностях данного типа дискурса, исследователь отмечает его связь с формами художественного речевого мышления, представление исключительно при помощи языковых единиц, средств художественной образности и сюжетно-композиционной организации текста. Автор также подчеркивает ориентацию художественного концепта относительно концептосферы литературы, что приводит к включению в его состав национальных духовных ценностей, преимущественно связанных с художественно-образным мировосприятием и применяемых в литературном типе коммуникации [2, с. 8-9].

Т.И. Васильева определяет художественный концепт как ментальное образование сознания писателя, которое реализует своё смысловое значение в рамках семантико-ассоциативного контекста литературного произведения [3, с. 52]. Исследователь также отмечает, что представленный тип концепта вербализуется в художественном образе, символе, выступает в качестве единицы картины мира писателя, пронизывает всю структуру произведения, выступая за его пределы и связывая конкретный художественный текст с другими произведениями писателя, художественной литературы, культурными константами нации. Будучи потенциальным, художественный концепт «запускает движение смыслов на стыках исторического, социального, бытового и собственно литературного рядов» [6, с. 10]. Важное значение для художественного концепта имеет его ценностная и эмоциональная составляющие, а также символичность и «ассоциативная запредельность».

Таким образом, мы приходим к выводу о том, художественный концепт представляет собой сложное, многогранное и многоуровневое структурно-семантическое образование, которое возникает в сознании автора как результат его восприятия действительности и реализует своё смысловое наполнение в пространстве литературного произведения, а шире – в рамках художественного дискурса.

Слово «стена» часто встречается в произведениях мировой литературы и может употребляться как в прямом, так и в переносном значении. Как справедливо замечает С.С. Нашатырева, представленный образ часто символизирует отгороженность того или иного персонажа от людей и жизни в целом, его абсолютное одиночество или же является препятствием на пути к обретению счастья и истинной любви [8, с. 80]. Однако вышеперечисленным не ограничивается смысловое содержание исследуемого нами концепта, который является намного более сложным и многозначным.

В рамках данного исследования мы рассматриваем концепт Wall (стена), ядерным компонентом семантического поля которого выступает лексическая единица wall (стена). Ближнюю периферию составляют следующие существительные: sand (песок), snake (змея), fear (страх), которые характеризуют Wall во всей его сложности и многообразии, например, как препятствия физического и/или духовного характера на пути к обретению героями самих себя путем преодоления страхов, еще большего их слияния друг с другом и обретения счастья, внутренней гармонии и т.д. Дальняя периферия представляет собой область сопряжения с другими концептами, которая также будет раскрыта в данном исследовании на конкретных примерах.

Рассмотрим смысловое наполнение представленного концепта в процессе его кристаллизации. В данной связи необходимо учитывать, что мы акцентируем внимание только на тех примерах, которые демонстрируют приращение смысла.

Against that **wall of stone my evening crashed to its end.**

Стена выступает как символ непреодолимого препятствия. Evening crashed – это метафора, объединяющая вещи предметного мира и абстрактные понятия, временные отрезки в единое целое.

The cool hush of the big room, **books for walls**, I could feel it trembling for the chance to teach me.

В данном контексте мы можем наблюдать соединение концептов Mind и Wall, противостоящих друг другу в рамках антитезы. Mind – это разум как средство преодоления любых препятствий и Wall как непреодолимая преграда.

There's a proud hurray, when passengers step unharmed from an old two-winger back on the ground again, **fear of heights turned to victory**.

Успешное преодоление препятствия несет ощущение победы. Посредством образа пассажиров абстрактная идея превращается в реальные ощущения.

He's changing. Every day more remote, protected, distant. He builds fests now for the soulmate he hasn't found, bricking **wall** and maze and **mountain fortress**, dares her to find him at the hidden center of them all Here's an A in self-protection from the one in the world he might love and who might someday love him.

Страх ведет к одиночеству, которое формирует непреодолимые стены, препятствия, метафорически изображаемые автором посредством разнородных, но при этом близких по сути явлений. Перечисление постепенно превращается в градацию, усиливая образ бесконечного подчинения страху. Таким образом, стену можно воспринимать как средство отгораживания от мира и иллюзорной, фальшивой защиты, ведущей к одиночеству через недооценку силы любви.

Such was the **height of my wall** that day in Florida.

Стены могут иметь определенную высоту в зависимости от ситуации, силы страха и желания уединения. Метафорические стены могут способствовать размышлениям и уединению в необходимое для человека время.

How much there is to know from her, I thought. What has she learned from celebrityhood... has it changed her, hurt her, made her build **walls**, too?

Причиной построения внутренних стен может явиться боль, душевные переживания, требующие осмысления, осторожности и попытки понимания и анализа произошедшей ситуации. Это стены защиты себя и своего внутреннего мира от страданий и боли.

People rush at you from all sides, they think they're going to get these things if they touch you. It's scary, so you build walls around yourself, thick glass **walls** while you're trying to think, trying to catch your breath.

Эти воображаемые метафорические стены являются внутренними и невидимыми, но они прочные, нерушимые, а иногда и непреодолимые, возникающие вне желания человека. Образ стен автор использует также, как символ защиты от окружающего мира, человеческой жадности и агрессии. Это средство спасения, сохранения своего духовного внутреннего мира, накопление сил, дающих возможность бороться против агрессивных представителей человечества.

The part of me that takes chess seriously hoped she would see the move, demolish my position and force me to fight for my hand-carved wooden life (**I play best when my back is to the wall**).

Стена может быть и опорой в случае борьбы в игре, которая также является частью жизни, где трудно понять, где заканчивается игра и начинается реальность.

When I was eleven, my mother got out of the hospital and we moved to what you'd call the ruins of a pre-Revolutionary War house, crumbling great big thick **stone walls**, rats, holes in the floors, boarded-up fireplace.

Стены также могут быть реальными и подвержены разрушениям под воздействием временных факторов и тех или иных исторических событий. Но в художественном тексте подобные идеи имеют и символическое значение, и дом с разрушающимися стенами превращается в разрушенный внутренний мир без

средств опоры, защиты. Таким образом, стены становятся дихотомией помехи и помощи, преграды и опоры, защиты и незащитности.

There's a **snake**, blocking the way... When I ran the engine up, it blurred the rattles of its tail, a dry-gourd hiss: I'm warning you... This is my desert. You mess around with me, I'll kill your truck.

Постепенно стена становится самостоятельным образом. Олицетворение неодушевленного образа достигается сравнением с гигантской змеей. Стена наделяется характером, чувствами. При этом она откровенно враждебна по отношению к героям и довольно равнодушна к их горю, ей неведомы сочувствие и сострадание.

"What do you think?" I said. "Did we imagine everything she said? Think she could have been a passing spirit, took the form of a snake for an hour to find what control we had over our fear, to kill or not to kill? An angel in a snake costume, there in the road, checking up on us?"

В продолжение вышеперечисленного стена может быть и мимолетным духом, принявшим форму змеи, чтобы понять, могут ли люди контролировать свои страхи, готовы ли бороться за друг друга, все то, что они так любят и чем так дорожат, обладают ли стремлением и решимостью обрести будущее мечты.

Подводя итог сказанному, мы приходим к выводу о том, что стена представляет собой образ, символизирующий отгороженность человека от людей и жизни в целом, его абсолютное одиночество, выступает в качестве препятствия на пути к счастью. Причиной построения внутренних стен может явиться боль, душевные переживания, требующие осмысления, осторожности и попытки понимания и анализа произошедшей ситуации. Это стены защиты себя и своего внутреннего мира от страданий и боли, средство спасения, сохранения духовного внутреннего мира, накопление сил, дающих возможность бороться против агрессивных представителей человечества. Стена может быть и опорой в случае борьбы в игре, которая является частью жизни, где трудно понять, где заканчивается игра и начинается реальность. Стены также могут быть реальными и подвержены разрушениям под воздействием временных факторов и тех или иных исторических событий. Но в художественном тексте подобные идеи имеют и символическое значение, и дом с разрушающимися стенами превращается в разрушенный внутренний мир без средств опоры и защиты. Таким образом, стены становятся дихотомией помехи и помощи, преграды и опоры, защиты и незащитности. Важно отметить то обстоятельство, что постепенно стена становится самостоятельным образом. Олицетворение неодушевленного образа достигается сравнением с гигантской змеей. Стена наделяется характером, чувствами. Она откровенно враждебна по отношению к людям и довольно равнодушна к их горю, ей неведомы сочувствие и сострадание. В продолжение вышеперечисленного стена вполне может быть мимолетным духом, принявшим форму змеи, чтобы понять, могут ли люди контролировать свой страх, готовы ли бороться за друг друга, все то, что они так любят и чем так дорожат, обладают ли стремлением и решимостью обрести будущее мечты.

Литература

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: Антология. М.: Academia, 1997. С. 267 – 280.
2. Беспалова О.Е. Концептосфера поэзии Н.С. Гумилева в ее лексическом представлении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. 24 с.
3. Васильева Т.И. Литературоведческий подход к изучению художественного концепта // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 7 (18). Ч. 1. С. 51 – 54.
4. Воробей И.А. «Бог» и «Ангел» в поэзии Р.М. Рильке (конкорданс и интерпретация): монография. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2007. 120 с.
5. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.
6. Зусман В.Г., Кирнозе З.И. Национальная концептосфера и политическая нация. URL: <http://www.hse.ru/data/2012/10/26/1246645307/Кирнозе-Зусман.doc> (дата обращения: 02.07.2023).
7. Миллер Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. 2000. № 4. С. 39 – 45.
8. Нашатырева С.С. Образы-символы в рассказах Леонида Андреева 1900-х годов // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2012. № 1. С. 78 – 82.
9. Редкозубова К.Ю. Кристаллизация концептов «любовь», «дружба», «семья» в современном художественном дискурсе (на материале романов С. Ахерн): дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2021. 235 с.
10. Ткаченко И.Г. Концептосфера как структурно-смысловая основа понимания и интерпретации сказок Новалиса: автореф. дисс. ... к. филол. н. Ставрополь, 2010. 25 с.
11. Черкасова И.П. Лингвокультурный концепт «ангел» в пространстве художественного мышления. Армавир: АГПУ, 2005. 256 с.
12. Черкасова И.П. Концептосфера поэтического цикла // В мире научных открытий. 2012. № 11-3 (35). С. 11 – 27.
13. Черкасова И.П. Дихотомия бытия в поэтическом тексте // Герменевтический круг: текст – смысл – интерпретация. 2013. Вып. 2. С. 63 – 74.
14. Черкасова И.П. Аксиологическая доминанта «ангел» в поэтическом мире А.А. Тарковского // Новый филологический вестник. 2022. № 4 (63). С. 214 – 229.
15. Bach R. The bridge across forever: a lovestory. N.Y.: Random House Publishing Group, 1989. 489 pp.
16. Cassirer E. Philosophy of Symbolic Forms // The Phenomenology of Knowledge. New Haven: Yale University Press, 1957. Vol. III. P. 160 – 167.

References

1. Askol'dov S.A. Koncept i slovo. Russkaja slovesnost': Antologija. M.: Academia, 1997. S. 267 – 280.
2. Bespalova O.E. Konceptosfera poezii N.S. Gumileva v ee leksicheskom predstavlenii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2002. 24 s.
3. Vasil'eva T.I. Literaturovedcheskij podhod k izucheniju hudozhestvennogo koncepta. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2012. № 7 (18). Ch. 1. S. 51 – 54.

4. Vorobej I.A. «Bog» i «Angel» v poezii R.M. Ril'ke (konkordans i interpretacija): monografija. Pjatigorsk: Izd-vo PGLU, 2007. 120 s.
5. Gumbol'dt V. Izbrannye trudy po jazykoznaniju. M.: Progress, 1984. 400 s.
6. Zusman V.G., Kirnoze Z.I. Nacional'naja konceptosfera i političeskaja nacija. URL: <http://www.hse.ru/data/2012/10/26/1246645307/Kirnoze-Zusman.doc> (data obrashhenija: 02.07.2023).
7. Miller L.V. Hudozhestvennyj koncept kak smyslovaja i jestetičeskaja kategorija. Mir russkogo slova. 2000. № 4. S. 39 – 45.
8. Nashatyreva S.S. Obrazy-simvoly v rasskazah Leonida Andreeva 1900-h godov. Vestnik VGU. Serija: Filologija. Zhurnalistika. 2012. № 1. S. 78 – 82.
9. Redkozubova K.Ju. Kristallizacija konceptov «ljubov'», «družba», «sem'ja» v sovremennom hudozhestvennom diskurse (na materiale romanov S. Ahern): dis. ... kand. filol. nauk. Stavropol', 2021. 235 s.
10. Tkachenko I.G. Konceptosfera kak strukturno-smyslovaja osnova ponimaniya i interpretacii skazok Novalisa: avtoref. diss. ... k. filol. n. Stavropol', 2010. 25 s.
11. Cherkasova I.P. Lingvokul'turnyj koncept «angel» v prostranstve hudozhestvennogo myshlenija. Armavir: AGPU, 2005. 256 s.
12. Cherkasova I.P. Konceptosfera pojetičeskogo cikla. V mire nauchnyh otkrytij. 2012. № 11-3 (35). S. 11 – 27.
13. Cherkasova I.P. Dihotomija bytija v pojetičeskom tekste. Germenevtičeskij krug: tekst – smysl – interpretacija. 2013. Vyp. 2. S. 63 – 74.
14. Cherkasova I.P. Aksiologičeskaja dominanta «angel» v pojetičeskom mire A.A. Tarkovskogo. Novyj filologičeskij vestnik. 2022. № 4 (63). S. 214 – 229.
15. Bach R. The bridge across forever: a lovestory. N.Y.: Random House Publishing Group, 1989. 489 pp.
16. Cassirer E. Philosophy of Symbolic Forms. The Phenomenology of Knowledge. New Haven: Yale University Press, 1957. Vol. III. P. 160 – 167.

*Cherkasova A.S., Assistant Professor, Postgraduate,
K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management,
Lomonosov Moscow State University*

Crystallization of the concept «Wall» in R. Bach's novel «The bridge across forever: a lovestory»

Abstract: the article is devoted to the study of the processes of crystallization of axiological dominants of fictional discourse. Discourse is considered as a complex structural and semantic axiological system that performs certain functions. The discourse is based on a system of concepts that act as a set of meanings. Crystallization largely contributes to the discovery of basic meanings and meta-meanings, allows us to trace the process of their interaction and the displacement of some meanings by others under the influence of linguistic and extralinguistic factors. The article analyzes the contexts in their sequence and interaction, which makes it possible to understand the origin of the fictional concept Wall and show the influence of crystallization processes on the formation of a text and an axiological system. As a result, Wall appears as a set of meanings that implement the concepts of obstacles and their overcoming that are important for the author's world, it is a concept that allows us to combine things of the objective world and abstract concepts, time periods into a single whole. The author concludes that the specificity of the processes of crystallization of concepts determines the features of the functioning of artistic discourse. The given examples illustrate the statements under consideration. Methods of analysis: contextual, linguo-hermeneutic, methods of semantic crystallization. The practical significance lies in the possibility of applying the results obtained in the courses of discourse theory, stylistics, interpretation of texts.

Keywords: concept, fictional text, fictional discourse, crystallization, wall, meaning

For citation: Cherkasova A.S. Crystallization of the concept «Wall» in R. Bach's novel «The bridge across forever: a lovestory». Philological Bulletin. 2023. 2 (1). P. 25 – 33.